

MICHAEL
ONDAATJE

WARLIGHT

Читайте в серии «Литературные хиты: Коллекция»:

Зэди Смит. Время свинга
Зэди Смит. О красоте
Зэди Смит. Белые зубы
Джордж Сондерс. Линкольн в бардо
Джордж Сондерс. Десятое декабря
Лалин Полл. Пчелы
Лалин Полл. Лед
Али Смит. Осень
Али Смит. Зима
Луиза Эрдрич. Лароуз
Луиза Эрдрич. Круглый дом
Ольга Токарчук. Бегуны
Ольга Токарчук. Диковинные истории
Давид Гроссман. См. статью «Любовь»
Давид Гроссман. Как-то лошадь входит в бар
Эмили Фридлунд. История волков
Эрик Вьюйар. Повестка дня
Пол Остер. 4321
Дэйзи Джонсон. В самой глубине
Ахмед Саадави. Франкенштейн в Багдаде
Софи Макинтош. Исцеление водой
Рэйчел Кушнер. Комната на Марсе
Майкл Ондатже. Военный свет

МАЙКЛ
ОНДАТЖЕ

ВОЕННЫЙ СВЕТ

МОСКВА
2019

УДК 821.111-31(71)
ББК 84(7Кан)-44
О-58

Michael Ondaatje

WARLIGHT

Copyright © 2018 by Michael Ondaatje

Перевод с английского
Виктора Гольшева и Олеси Качановой

Художественное оформление
Анастасии Ивановой

Ондатже, Майкл.

О-58 Военный свет / Майкл Ондатже ; [перевод с английского О. Качановой, В. Гольшева]. — Москва : Эксмо, 2019. — 288 с.

ISBN 978-5-04-105842-5

1945. Лондон до сих пор не может оправиться от войны. Родители оставили 14-летнего Натаниела и его старшую сестру Рэчел на попечение загадочному человеку по прозвищу Мотылек. Они подозревают, что он преступник, и все больше в этом убеждаются, узнавая его эксцентричных друзей: мужчин и женщин, которых что-то связывает в прошлом и которые теперь хотят опекать юных героев. Но кто они на самом деле? Почему они хотят заботиться о Натаниеле? И как брат и сестра должны себя вести, когда через несколько месяцев их мать возвращается без отца и ничего не объясняет?

УДК 821.111-31(71)
ББК 84(7Кан)-44

© Гольшев В., перевод на русский язык, 2019
© Качанова О., перевод на русский язык, 2019
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-105842-5

*Эллен Селигмен, Сонни Мета
и Лиз Кэлдер Колдер — через годы.*

Многие великие битвы ведутся в
складках топографических карт.

Часть 1

ПОЛНЫЙ СТОЛ НЕЗНАКОМЦЕВ

В 1945 году родители уехали, бросив нас на попечение каких-то двух преступников. Мы жили в Лондоне, на улице под названием Рувини-Гарденс, и однажды утром то ли мать, то ли отец объявили: после завтрака состоится семейный совет; так мы узнали, что они на год уезжают в Сингапур, а нас оставляют. Срок не слишком большой, сказали они, но и не малый. Разумеется, в их отсутствие о нас будут как следует заботиться. Помню, отец сообщил эту новость, сидя в одном из неудобных железных садовых кресел, а мать в летнем платье, у него за плечом, вглядывалась в наши лица. Потом взяла руку Рэчел, моей сестры, и прижала к талии, словно согревая.

Ни Рэчел, ни я не произнесли ни слова. Лишь смотрели в лицо отцу, который живописал, как они полетят на новом «Авро Тюдоре 1» — создан на базе бомбардировщика «Ланкастер», крейсерская скорость свыше трехсот миль в час. По пути придется минимум дважды приземлиться, пересесть на другой самолет, и тогда только они доберутся до места. Как выяснилось, отец получил повышение и теперь возглавит представительство

во «Юнилевер» в Азии. Что хорошо для всех нас. Он говорил серьезно, а мать вдруг отвернулась и посмотрела на свой августовский сад. Когда отец умолк, она, видя мою растерянность, подошла и рукой, как гребнем, провела по моим волосам.

Мне в то время было четырнадцать, Рэчел — меньше шестнадцати, и нас на время всех каникул оставляли под присмотром, как выразилась мать, опекуна. Отец называл его коллегой. Мы его уже знали — и придумали ему прозвище Мотылек. В нашей семье вообще была страсть к выдуманным именам, а значит, к маскировке. Рэчел даже успела заподозрить Мотылька в криминальных делишках.

Кандидатура казалась странной, но в те послевоенные годы по-прежнему хватало бессмыслицы и кавардака; принято было ничему не удивляться. Нам, детям, оставалось смириться; родительский выбор пал на Мотылька, тихоню, с недавних пор поселившегося у нас на третьем этаже, крупного, но пугливого в движениях, как мотылек. Видимо, они считали, что на него можно положиться. Интересно, они догадывались, что Мотылек — преступник?

Попытка сплотить нашу семью вроде даже предпринималась. Отец порой брал меня в «Юнилевер», пустынный по причине выходных или праздников, и пока он занимался делами, я, как по затерянному миру, бродил по двенадцатому этажу. Дергал ящики столов — все, как один, запертые. Пустые корзины для бумаг, голые, без единой картины, стены, лишь на одной висела

большая рельефная карта с отметками заграничных форпостов компании: Момбаса, Кокосовые острова, Индонезия. А под началом отца находились, кажется, ближние города, цепочкой замыкавшие Средиземноморье: Триест, Гелиополь, Бенгази, Александрия. Именно там набивали трюмы сотни кораблей, ходившие на Восток и обратно. По выходным лампочки на карте не горели, города и порты были погружены во тьму, которая гораздо больше подходила этим далеким кордонам.

В последний момент было решено, что мать останется с нами еще на несколько недель, до конца лета — проследит, чтобы у квартиранта имелось все для нас необходимое, и поможет собраться в школы-пансионы, куда нас переводили. В субботу накануне того дня, когда отец в одиночку улетал в дальние дали, он снова взял меня в учреждение на Керзон-стрит. Следующие несколько дней он просидит закорючкой в самолете, и ему хотелось размять ноги.

Доехав на автобусе до Музея естественной истории, мы прошли пешком через Гайд-парк до самого Мейфэйра. Отец был непривычно оживлен и весел, напевал «Домотканые одежда и сердца / Износились в чужедальной стороне», — с неожиданным задором он все повторял и повторял эти строки, словно выполнял какое-то важное правило. К чему бы это? Я терялся в догадках. Чтобы попасть в здание, где его учреждение занимало весь верхний этаж, требовалось открыть ключами не одну дверь. Я подошел к большой, по-преж-

нему неосвещенной карте и стал по памяти отыскивать города, над которыми отец будет лететь в ближайшие несколько ночей. Уже тогда я обожал карты. Он подошел и включил подсветку; от выпуклых гор на карте пролегли тени, но на этот раз в глаза бросились не лампочки, а голубоватые гавани и громадные просторы неосвещенной суши. Никаких ясно очерченных перспектив больше не существовало, и та же ущербность ощущалась для нас с Рэчел в браке наших родителей. Они крайне редко о себе рассказывали. Так, какие-то обрывки. Отец на финальных этапах весь погрузился в войну, и на нас его уже не хватило.

Относительно их отъезда мы даже не сомневались: ей надо ехать с ним; не могут же родители, думали мы, находиться врозь, она ведь ему жена. А если нам придется жить одним, это не так ужасно, не так пагубно отразится на семье, чем если мать из-за нас останется на Рувини-Гарденс. И, объясняли они, нельзя взять и бросить школы, в которые нас с таким трудом приняли. Перед отъездом мы скомканно обняли отца, Мотылек на те выходные тактично исчез.

Так началась у нас новая жизнь. Тогда мне не слишком в это верилось. Я так до сих пор и не понял, искорежил тот период мою жизнь или придал ей импульс. Шаблоны и узы семейного уклада порушились, поселив во мне сомнения — словно в расплату за то, что я слишком быстро исчерпал свои свободы. Теперь, однако, я повзрослел и готов говорить — говорить о том, как мы росли под

защитой чужих людей. Очищая зерна истины от плевел, буду рассказывать о родителях, о нас с Рэчел, о Мотыльке и о многих других людях, которые появились потом. В историях такого рода, наверное, есть устоявшиеся традиции и приемы. Дан кто-то, кому предстоит пройти испытание. На чьей стороне добро — непонятно. Каждый не тот и не там, чем и где кажется. А один из героев за всем этим исподтишка наблюдает. Помню, матери нравилось, что королевским рыцарям в легендах про Артура дают такие противоречивые задания; рассказывая эти истории, она иногда переносила их действие в конкретную деревушку на Балканах или в Италии — показывала ее на карте и заявляла, что тоже в ней бывала.

С отъездом отца мать стала проводить с нами больше времени. Родительские разговоры, которые мы имели привычку подслушивать, всегда касались взрослых тем. А теперь мать рассказывала нам о себе, о своем детстве в суффолкской глубинке. Особенно нам нравилась история о «семье на крыше». Наши бабушка и дедушка из Суффолка проживали в местности под названием Сентс, где были тишь и покой, только плескалась река да порой из соседней деревни доносился колокольный звон. Но однажды у них на крыше целый месяц жила семья; они разбрасывали вещи и так громко перекрикивались, что звук через потолок проникал в дом. Семья — это бородач и трое его сыновей. Самый младший был тихоня и в основном таскал вверх по приставной лестнице бадьи с водой. Но куда бы мать ни шла — собрать яйца

в курятнике или уехать на машине, — он всегда провожал ее взглядом. Бородач и его сыновья были кровельщиками, перекрывали крышу, трудились дни напролет. На время обеда убрали лестницы и уходили. Но однажды мощный порыв ветра сшиб младшего мальчика, тот потерял равновесие и рухнул с крыши, пробив крону липы и упав на плиты возле кухни. Братья внесли его в дом. У мальчика, его звали Марш, было сломано бедро. Пришел доктор, заковал ногу в гипс и велел не трогаться с места. Так он и лежал в буфетной при кухне, пока на крыше шли работы. Матери — ей тогда было восемь — поручили приносить больному еду. Заодно она приносила книги, но Марш был застенчив и едва осмеливался с ней заговорить. Эти две недели, говорила она, наверное, показались ему целой жизнью. В конце концов, доделав работу, семья забрала мальчика, и они уехали.

Эта история всякий раз казалась мне и Рэчел частью какой-то сказки, которую нам до конца не понять. Мать не переживала и не ужасалась из-за того, что мальчик упал, — обычное дело для не раз обкатанных историй. Мы просили рассказать еще что-нибудь об упавшем мальчике, но она повторяла единственный эпизод: как в тот штормовой день он смачно, влажно шмякнулся на плиты, проделав прореху в липовых веточках и листьях. Один фрагмент из материнной жизни с ее туманными подтасовками.

Мотылек, наш квартирант с третьего этажа, почти все время отсутствовал, хотя иногда ему

случалось поспеть к ужину. От настойчивых приглашений к столу он для начала долго и неубедительно отмахивался. При этом почти ежевечерне отправлялся пешком на Биггз-Роу и покупал там готовую еду. Во время блица многое было разрушено, и разрозненные уличные тележки пока что съехались туда. Мы всегда ощущали прилабочное присутствие Мотылька, его вылазки и возвращения. По его манере поведения не удавалось понять, робкий он или вялый. Потом, конечно, все переменится. Иногда из окна своей спальни я видел, как они с матерью о чем-то тихо беседуют в темном саду, или заставал их за чаем. Перед началом занятий в школе мать довольно долго уговаривала его подтянуть меня по математике; этот предмет мне не давался, я отставал по нему и после того, как Мотылек бросил попытки меня натаскать. В те первые дни наш опекун впечатлил меня лишь тем, как мастерски начертил трехмерные изображения, призванные помочь мне погрузиться в глубины геометрических теорем.

Если речь заходила о войне, мы с сестрой пытались вытянуть из него, где он был и что делал. Наступала пора воспоминаний, подлинных и фальшивых, и нам с Рэчел было любопытно. Между собой Мотылек и мать упоминали каких-то людей, общих знакомых с тех времен. Мать явно знала Мотылька до того, как он у нас поселился, но его участие в войне оказалось неожиданно: слишком уж он был какой-то «не военный». О его присутствии в доме мы узнавали по звукам тихой фортепьянной музыки из радиоприемника,

а работал он кем-то вроде администратора — вел в числе прочего бухгалтерию, начислял зарплату. Все же после нескольких штурмов удалось вывести, что они оба были пожарными наблюдателями в так называемом Гнезде на крыше отеля «Гровенор-Хаус». Мы, в пижамах, потягивали «Горликс» и слушали, как они предаются воспоминаниям. Истории всплывали одна за другой — и уходили в небытие. Однажды вечером, незадолго до предстоявшего отъезда в школы, мать в углу гостиной гладила нам рубашки, а Мотылек стоял у подножия лестницы, готовый уйти, почти уже не с нами. Однако не ушел, а пустился в рассказы о том, как мать мастерски вела машину в ночи, доставляя пассажиров сквозь тьму и комендантский час в какое-то Беркширское подразделение, и провалиться в сон ей не давали лишь несколько долек шоколада да холодный ветер из открытого окна. Мать так внимательно слушала все, что он говорил, так погрузилась в эту туманную историю, что забыла про уют в руке — тот повис в воздухе и в итоге прожег воротник.

Надо было мне уже тогда догадаться.

Они намеренно избегали в рассказах привязки ко времени. Однажды мы узнали, что мать в наушниках перехватывала немецкие шифровки на секретных радиочастотах и пересылала сведения через Ла-Манш из местечка в Бедфоршире под названием Чиксэндский монастырь, после чего снова вернулась в Гнездо на крыше отеля «Гровенор-Хаус», — мы с Рэчел стали все сильнее подозревать, что там базировались отнюдь не «пожар-

ные наблюдатели». Оказалось, мать умеет многое такое, о чем мы даже не догадывались. Неужели мать своими красивыми белыми руками с тонкими пальцами стреляла в людей — чтобы убить? Я обратил внимание, как спортивно и грациозно она взбегает по лестнице. Раньше мы за ней такого не замечали. За месяц, что прошел с отъезда отца до начала школьного семестра, когда она тоже уехала, мы узнали ее с более удивительной и отчасти более душевной стороны. А тот недолгий миг, когда она, слушая воспоминания Мотылька об их прошлом, застыла с горячим утыгом на весу, оставил неизгладимое впечатление.

В отсутствие отца в доме стало вольготнее и просторнее, и мы старались проводить с матерью все возможное время. Слушали по радио триллеры — при включенном свете, чтобы видеть выражения лиц друг друга. Матери было явно скучно, но мы упрасивали ее не уходить, пока у нас надрывались сирены, по-волчьи завывали ветра на болотах, раздавались крадущиеся шаги злоумышленника, звон разбитого окна; в разгар этих драматических моментов у меня в памяти всплывала услышанная урывками история, как мать в полной темноте вела машину к побережью. Если уж говорить о радиопрограммах, то гораздо больше матери нравилось лежать по субботам после обеда в шезлонге и, позабыв о читаемой книге, слушать по Би-би-си «Час натуралиста». Это напоминает ей о Суффолке, говорила она. И мы вполуха слушали ведущего, который пускался в бесконечные рассказы о речных насекомых или